

Клитика **са** в предисловии и послесловии к несвижскому «Катехизису» 1562 г.

Г.В. СЕРИКОВ

Статья посвящена особенностям функционирования в печатном старобелорусском тексте XVI в. возвратной клитики **са**, обнаруживающей признаки энклитической формы возвратного местоимения *себя*, т. е. агглюцинированного аффикса с возвратным значением со своей фонетической парадигмой. Автор обращает внимание на очевидное отображение графического приращения **са** к предыдущему слову, что свидетельствует о безоговорочном восприятии **са** в устной речи как энклитики даже без учёта частеречной принадлежности знаменательного слова. Анализируя характер печатного рисунка фразы, автор отмечает речевые привычки древних книжников, запечатлевших недвусмысленное видение второстепенной роли в устной и письменной речи клитики **са**. Выявляются эпизоды стилизации, когда клитика наделяется полноценным значением возвратного местоимения в случаях употребления перед ней предлогов и наличия развитых моделей дистактной препозиции.

Ключевые слова: контактная постпозиция, дистактная препозиция, агглютинация, рудитативный, клитика, дистактная постпозиция, бивалентность, энклитика, возвратное местоимение.

The article is devoted to the peculiarities of functioning of the reflexive clitic **са** in the printed Old Belorussian text of the 16th century, which reveals signs of the enclitic form of the reflexive pronoun *itself*, that is, an agglucinated affix with a return value with its phonetic paradigm. The author draws attention to the obvious display of the graphical increment of **са** to the previous word, which indicates the unconditional perception of **са** in oral speech as enclitics, even without taking into account the part-of-speech belonging of the significant word. Analyzing the nature of the printed pattern of the phrase, the author notes the speech habits of ancient scribes who captured an unambiguous vision of a secondary role of the clitic **са** in the oral and written speech. The episodes of stylization are revealed when the clitic is endowed with a full-fledged value of the reflexive pronoun in cases of using prepositions before it and the presence of developed models of distact preposition.

Keywords: contact postposition, distact preposition, agglutination, ruditative, clitic, distact postposition, bivalence, enclitic, reflexive pronoun.

Анализируя характер употребления клитики **са** в религиозных произведениях старобелорусской письменности XVI–XVII вв., целесообразно обратиться к одному из доступных такого рода изданий – известному сборнику предисловий и послесловий В.Г. Короткого [1], представившего вниманию читателя Предисловия и Послесловия всего лишь к 17-ти различным книгам религиозного содержания того времени, в которых нами обнаружено 463 возвратные модели различной структуры. Несомненно, что количество книг тех лет с предисловиями было гораздо большим: так, например, Л.А. Итигина, исследуя белорусские старопечатные предисловия периода 1523–1654 гг., свидетельствует, что «почти половине из изданных в это время 113 книг предпосланы посвящения и предисловия» [2, с. 27]. Для удобства пользования данным источником автор-составитель снабдил его приложением с аутентичными фотокопиями этих старинных документов [1, с. 113–308], что позволяет сделать соответствующие выводы относительно восприятия и осмысления древними авторами лексико-грамматической роли клитики в текстах того периода, хотя и не всегда это сполна удаётся по причине нечёткого разграничения (или слитного написания) печатных слов в тексте. Отметим, что типографское дело времён просвещённого Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой было очень популярным, и география произведений, увидевших свет в то время, была довольно обширна (для наглядности представлена на рисунке 1).

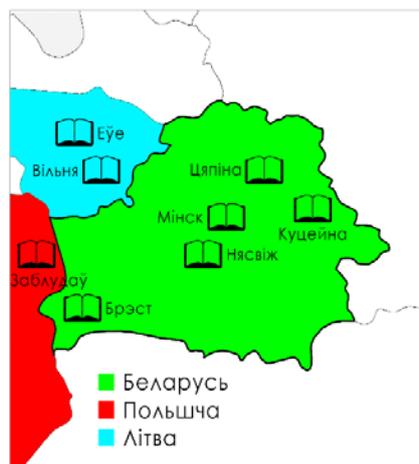
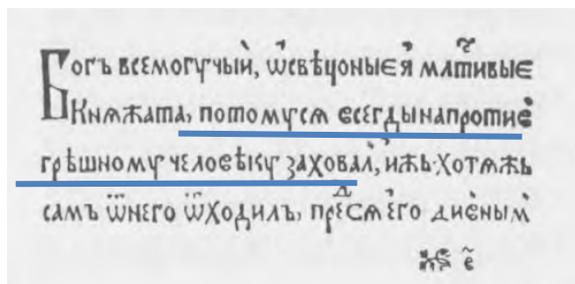

Рисунок 1 – География происхождения анализируемых печатных источников

Названный сборник открывается предисловием и послесловием к «Катехизису» Матвея Кавечинского, Симеона Будного и Лаврентия Крышковского, которые (предисловие и послесловие) относятся ко второй половине XVI в. (Несвиж, 1562 г.) [1, с. 24–29]. В данном тексте выявлено 45 возвратных моделей с различными комбинациями клитики, её слитного и отдельного написания с глаголами. Для понимания графической интерпретации текста современником (В.Г. Коротким) ниже приводим в сравнение фотокопии оригинала, которым пользовался составитель, решая для себя проблему сегментации различных служебных слов и морфем. В ключе обозначенной темы обратим внимание на написание клитики **СА** в подчеркнутом нами фрагменте фотокопии (рисунок 2) и его графическую интерпретацию автором-составителем:

[1, с. 115]

Рисунок 2 – Фотокопия оригинального фрагмента

Интерпретация составителя В.Г. Короткого:
*потому са всегда напротив грѣшному
челоуѣку заховал [1, с. 24]*

Очевидно, что в данном случае, как и во многих других аналогичных, нельзя с уверенностью сказать, как именно соотносилась старобелорусскими печатниками клитика **СА** с соседними словами. Слитность или отдельность написания современным читателем воспринимается сугубо субъективно, и зачастую на это восприятие оказывает влияние трактовка текста переводчиком, который отнюдь не предполагал учитывать тот ракурс наблюдения над природой клитики, который доминирует в нашем исследовании. Однако большое количество такого рода написаний (см. также аналогичные рисунки ниже), когда очевидно отображается графическое приращение **СА** к предыдущему слову, свидетельствует о том, что в устной речи **СА** воспринималось как энклитика, причём без учёта частеречной принадлежности предыдущего слова. В современной устной речи поляков наблюдается аналогичное беспазуное притяжение **się** к предыдущему слову, а фактически агглютинация:

Jak się masz? 'как дела?'

Bardzo mi się to podoba 'мне это очень нравится'.

Nigdy się tego nie uczyłem 'я никогда это не учил'.

Итак, из 45-ти случаев возвратных моделей, выявленных в данном тексте, преобладающее большинство из них (21 эпизод) характеризуется слитным написанием клитики с соответствующим глаголом, т. е. энклитическая форма местоимения *себя* воспринималась к этому времени как агглюцинированный аффикс с возвратным значением. Как утверждает историк языка В.В. Колесов, «прямой объект мог быть выражен с помощью возвратного местоимения *себе*, которое в древнерусском, как и в древнеславянском, выражало идею 3-го л. в ряду личных местоимений. Употребление возвратных глаголов было равнозначно перенесению действия с себя на «третьего лишнего», т. е. обезличивало субъекта действия. Возвратное местоимение в таких случаях употреблялось в энклитической форме, имевшей свою парадигму *се, си, ся*» [3, с. 349].

Обратимся к примерам слитного написания клитики с глаголами и глагольными формами (причастиями и деепричастиями) в вышеупомянутом памятнике письменности:

- *але ужалившиися над их упадком* [1, с. 24] – ‘но смилостивившись над их бедой’;
- *А тое насенье... называется Христос* [1, с. 25] – ‘а то семя... называется Христос’;
- *але умилившихся сердцем и любезно приемиших слово* [1, с. 26] – ‘но умилившихся сердцем и любезно принявших слово’;
- *из Муриньское земли в Еросолим поклонитися приехавъшаго* [1, с. 26] – ‘из муринской земли в Иерусалим приехавшего поклониться’;
- *але ажъ первеи к апостолом каючися повелѣл* [1, с. 26–27] – ‘но вот сначала к апостолам, каясь, обратился’;
- *что ми подобаетъ творити, да спасуся?* [1, с. 27] – ‘что мне следует делать, чтобы спастись?’;
- *искушеніе было настало на хотящихъ креститися* [1, с. 27] – ‘искушение было нашло на желающих креститься’;
- *коли уже мѣлася въчера Господня зачинати* [1, с. 27] – ‘когда уже должна была начинаться вечеря Господня’;
- *невъный час поститися* [1, с. 27] – ‘определённое время поститься’;
- *в святомъ житію росли и укреплялися* [1, с. 27] – ‘в святой жизни росли и укреплялись’;
- *надѣваючися для таковыхъ справ спасенія* [1, с. 27] – ‘надеясь на спасение благодаря таким делам’;
- *Не тайно тѣже, яко на нихъ стоятъ и справуются* [1, с. 28] – ‘не секрет также, как на них стоят и работают’;
- *Аще же соль обуюет, чимъ осолится?* [1, с. 28] – ‘если же соль испортится, чем исправить её?’;
- *што ею посолится, абы не провоняло* [1, с. 28] – ‘что ею посолиться, чтоб не провоняло’;
- *оба в яму въпадетася* [1, с. 28] – ‘оба в яму впадут’;
- *Смилиуйся уже каждый над собою Бога для* [1, с. 28] – ‘смилиуйся уже каждый над собой, ради Бога’;
- *Въстани от сна, уже пора обачитися* [1, с. 28] – ‘восстань от сна, уже пора очнуться’;
- *Докуле бо человекъ держитися слова Божія* [1, с. 28] – ‘ибо пока человек держится слова Божия’;
- *Мусить кождый заблукатися* [1, с. 28] – ‘должен каждый заблудиться’;
- *Богъ милостивый, ужалившиися нас, открыл намъ грѣшнымъ слово свое* [1, с. 28–29] – ‘Бог милостивый, сжалившись над нами, открыл нам грешным слово своё’;
- *Про то годитися и намъ всѣмъ мѣтися к тому самымъ* [1, с. 29] – ‘для этого годится и нам всем самим стремиться к тому’.

На втором месте по частотности употребления (5 эпизодов) занимает модель контактной препозиции «**сѧ** + **V**», которая до сих пор характерна современному польскому языку. Характерно, что на несамостоятельность данной энклитической местоименной формы в данной модели и её восприятие автором как морфемы указывает слитное написание с предлежащими словами (как об этом указывалось выше), хотя относится это **сѧ** к непосредственно последующему глаголу. Безусловная второстепенная, вспомогательная роль клитики подчёркивается тем, что она отражена в *печатном* тексте, предусматривавшем предварительную тщательную установку литер в наборные типографские рамки, или кассы (см. рисунок 3):

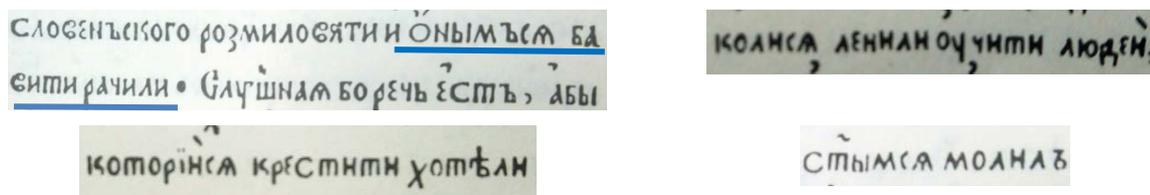

Рисунок 3 – Эпизоды нерегулярной агглютинации клитики

Таким образом, в оригинальном тексте отчётливо видны пробелы между агглютинированной энклитикой и последующим глаголом, к которому она относится. Такого рода эпизоды однозначно свидетельствуют о влиянии прочно устоявшихся индивидуальных речевых привычек древних авторов на действительное видение второстепенной роли в устной и письменной речи клитики **са**. Поэтому логично описать данные эпизоды моделью **ся + V**, которые переводятся следующим образом:

- *и онымъса бавити рачили* [1, с. 25] – ‘и им *наслаждаться* советовали’;
- *кото́рииса крестити хотѣли* [1, с. 27] – ‘которые хотели *креститься*’;
- *колиса ленили учити людей* [1, с. 27] – ‘когда *ленились* учить людей’;
- *стымъса молил* [1, с. 27] – ‘святым *молился*’;
- *на тое са спущали, естли кто мѣл, што бы попом по души дал* [1, с. 27] – ‘на то *тратились*, что, если кто что имел, попам по душе дал’.

В следующем же эпизоде, как видно, составитель текстов В.Г. Короткий также передаёт раздельное написание **са** в силу объективных технических причин, возникших у наборщика текста в связи с переносом клитики на новую строку (см. рисунок 4):

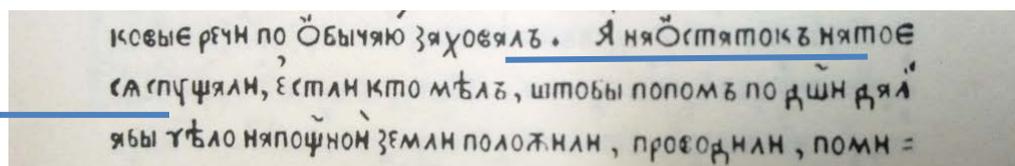

Рисунок 4 – Спорный эпизод сегментации

В данном случае невозможно судить, как поступил бы наборщик текста, будь у него возможность вставить **са** в расположенную выше строку. Тем не менее, этот и подобные случаи мы относим к модели контактной препозиции.

Обращают на себя также внимание довольно рудитативные (от *лат. ruditatis* ‘развитость’) модели препозиционной дистактной структуры с некоторым количеством делимитеров (разделителей) между клитикой и глаголом. С частотностью в два эпизода встречается в данном произведении модель **ся + n¹ + n² + n³ + n⁴ + n⁵ + n⁶ + n⁷ + n⁸ + V**:

- *абыся ваши княжацские милости не только в чужоземских языцѣх кохали* [1, с. 25] – ‘чтобы ваши княжеские милости не только в иностранных языках *любились*’;
- *естлися сія речь святого апостола, мовлю, вышших часов не збыла?* [1, с. 28] – ‘если эта речь святого апостола, говорю, высших времён не *сбылась?*’.

Также дважды отражены модели с 6-ю и 3-мя делимитерами:

$$\text{ся} + \mathbf{n^1} + \mathbf{n^2} + \mathbf{n^3} + \mathbf{n^4} + \mathbf{n^5} + \mathbf{n^6} + \mathbf{V}:$$

- *так са напервей ко оным першим родителем нашим показал* [1, с. 24] – ‘так прежде всего к этим прародителям нашим *показался*’;
- *ижь бы са много иних прикладами ваших княжацских милости будовати могли* [1, с. 26] – ‘так, чтобы многие другие примерами ваших княжеских милостей *укрепляться* могли’;

$$\text{ся} + \mathbf{n^1} + \mathbf{n^2} + \mathbf{n^3} + \mathbf{V}:$$

- *оною са ажь до смерти тѣшили* [1, с. 24] – ‘ею аж до смерти *радовались*’;
- *может са ширей у другое управити* [1, с. 29] – ‘может шире в другой *сделаться*’.

Единичными, но довольно развитыми возвратными конструкциями представлены следующие модели:

$$\text{сѧ} + \mathbf{n}^1 + \mathbf{n}^2 + \mathbf{n}^3 + \mathbf{n}^4 + \mathbf{n}^5 + \mathbf{n}^6 + \mathbf{n}^7 + \mathbf{V}:$$

– А так явне **сѧ** и з Старого и з Нового закону *оказует* [1, с. 25] – ‘а так явно и из Старого, и из Нового завета *следует*’;

$$\text{сѧ} + \mathbf{n}^1 + \mathbf{n}^2 + \mathbf{n}^3 + \mathbf{n}^4 + \mathbf{n}^5 + \mathbf{n}^6 + \mathbf{n}^7 + \mathbf{n}^8 + \mathbf{n}^9 + \mathbf{n}^{10} + \mathbf{V}:$$

– *але бы сѧ тежь ваши княжацкие милости и того здавна славного языка словенъского розмиловати... рачили* [1, с. 25] – ‘но чтобы тоже ваши княжеские милости и этот издавна славный славянский язык *любить* хотели’;

$$\text{сѧ} + \mathbf{n}^1 + \mathbf{n}^2 + \mathbf{n}^3 \dots + \mathbf{n}^{38} + \mathbf{V}:$$

– *што сѧ на тот час хотя не с таковое годъности, яковое бы святые таблицы Божие достоины были, але з якого ж колвек даного таланъту, вѣръне, от вѣръного Христоваго збору братьи а слуг ваших княжацких милости, на том новом початку накоротѣце *выдать* могло* [1, с. 26] – ‘что к этому времени, хотя не с таким почѣтом, какого таблицы божие достоины были, но с каким-либо талантом, вернее, от верного христового збора братьев и слуг ваших княжеских милостей на том новом начале вскоре *случиться* могло’.

Эпизоды данного раритетного типа с большим количеством делимитеров свидетельствуют не столько об объёме оперативной памяти лица, порождающего речь, сколько о стратегии построения фразы, предусматривающей обязательное наличие возвратной клитики, о своеобразной стилизации при возможности безошибочного перепрочтения (реридинга) технически правильно составленного *печатного* текста читателем той эпохи, способным оценить и витиеватость синтаксиса, и дань древней традиции выражения мысли, при котором клитика всё ещё играет полузнаменательную роль в структуре предложения.

Также единожды представлены дистактные модели с меньшим количеством делимитеров:

$$\text{сѧ} + \mathbf{n}^1 + \mathbf{n}^2 + \mathbf{V}:$$

– *чого бы сѧ и сами учили* [1, с. 29] – ‘чему бы и сами *учились*’;

$$\text{сѧ} + \mathbf{n}^1 + \mathbf{n}^2 + \mathbf{n}^3 + \mathbf{n}^4 + \mathbf{V}:$$

– *потому сѧ всегда напротив грѣшному человекъку заховал* [1, с. 24] – ‘потому всегда по отношению к грешному человеку *сохранился*’;

$$\text{сѧ} + \mathbf{n}^1 + \mathbf{n}^2 + \mathbf{n}^3 + \mathbf{n}^4 + \mathbf{n}^5 + \mathbf{V}:$$

– *святый обычай, которого сѧ перьвая церѣков по повеленію Христову *держала** [1, с. 27] – ‘своятой обычай, которого первая церковь по повелению Христа *придерживалась*’.

Несмотря на утрату к этому времени самостоятельного значения энклитической формы **сѧ** местоимения *себе* (*себя*), следуя, видимо, древней книжной традиции и поэтому стилизуя веский слог «Катехизиса», автор дважды наделяет клитику полноценным значением **возвратного местоимения**:

– *пред сѧ его дивным обычаем от блуда и грехов *выривал** [1, с. 24] – ‘перед *собой* его дивным обычаем от блуда и грехов спасал’;

– *Упадет всяк, кто сѧ слепому водити *допускает** [1, с. 28] – ‘упадёт всякий, кто *себя* слепому водить позволяет’.

На знаменательность клитики (или на самую сильную её позицию в исследуемых моделях) в подобных случаях указывают, прежде всего, выступающие перед ней предлоги, как это отмечалось нами при исследовании Лаврентьевской летописи [4, с. 98]. Морфологии современного польского возвратного глагола свойственны случаи бивалентности (и поливалентности) клитики (возвратной морфемы) *się*, которая одинаково соотносится с двумя и более глаголами. Данный приём, выработавшийся в процессе многовековой речевой практики, позволяет избегать фонетической тавтологии, привносит в устное или письменное высказывание лаконичность. Это явление рассмотрено нами ранее на примерах текстов современных польских авторов [5, с. 134–135], [6 с. 148].

Бивалентность клитики:

– *тежь сѧ *зачать* и в том одном правдивом верном спольку *множить* и *рость** [1, с. 26] – ‘тоже *зачаться* и в том одном настоящем верном кругу *множиться* и *расти*’.

Что до дистактной *постпозиционной* структуры возвратных моделей старобелорусского периода, испытавшего, безусловно, значительное польскоязычное влияние, то такие эпизоды

также встречаются в «Катехизисе», причём в качестве делимитеров здесь выступает либо односложный противительный союз, либо энклитическая форма личного местоимения. Моделью $V + n^1 + ся$ описываются нижеприведённые эпизоды:

– *Катихісіс слово ест греческого языка, **скажет** же **ся** на словенскую рѣчь Оглашеніе* [1, с. 26] – ‘катехизис есть слово греческого происхождения, **переводится** же на славянскую речь ‘оглашение’;

– *Розъсмотри, **молю** ти **ся** боголюбче* [1, с. 28] – ‘рассмотри, **молюсь** тебе, боголюбче’;

В анализируемом произведении выявлена также и одна глагольная форма, представленная в дистактной препозиционной и весьма рудитативной моделью:

– «**ся** + $n^1 + n^2 + n^3 + n^4 + n^5 + n^6 + n^7 + n^8 + n^9 + RG$ » (RG – от лат. reflexivum gerundium ‘возвратное деепричастие’): *которыи **ся** за преданіа, або лепей за сны и старческие басни **взявши**, слово божіе были опустили* [1, с. 28] – ‘которые за предания, или даже за сны и старческие басни взявшись, слово Божие было оставили’.

Таким образом, как свидетельствует проанализированный материал данного источника, в исследуемый период истории (XVI–XVII вв.) старобелорусская письменность во многом отражает функционирование возвратных глагольных моделей, сходных как с современными белорусскими и русскими соответствиями (примеры слитного написания клитики с глаголами и глагольными формами), так и с современными польскими (многочисленные эпизоды дистактного препозиционного употребления). Безусловно, что на стиль выходявших из несвижской типографии книг того времени оказывали значительное влияние представители редакционного коллектива, воспитанные и получившие образование в тех заведениях, где отнюдь не чуждым был польский язык, сохранивший до наших дней древнюю структуру возвратного славянского глагола. Однако справедливым будет и то допущение, что грамотному читателю того времени были также приемлемы и естественны все грамматические формы (знаменательность клитики, супплетивизм белорусской и польской языковых стихий), отраженные в текстах того периода.

Литература

1. Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны / Акадэмія навук БССР, Інстытут літаратуры імя Я. Купалы ; рэд. А. І. Мальдзіс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 309 с.
2. Итигина, Л. А. Белорусские старопечатные предисловия XVI – первой половины XVII в. (просветительские тенденции) / Л. А. Итигина // Тематика и стилистика предисловий и послесловий ; изд. подготовили : А. С. Демин [и др.]. – М. : Наука, 1981. – С. 27–44. – (Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.)).
3. Колесов, В. В. Историческая грамматика русского языка : УМК по курсу «Историческая грамматика русского языка» : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / В. В. Колесов. – СПб. : СПбГУ, 2010. – 512 с. – (Русский мир : учебники для высшей школы).
4. Сериков, Г. В. Энклитика **ся** в структуре возвратных глаголов Лаврентьевской летописи / Г. В. Сериков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2023. – № 1 (136). – С. 91–99.
5. Сериков, Г. В. Польские возвратные модели в интервью Р. Капустинского / Г. В. Сериков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2022. – № 4 (133). – С. 131–137.
6. Сериков, Г. В. Возвратные модели в польском переводе Б. Шварцман-Чарноты / Г. В. Сериков // Веснік Мазырскага дзярж. пед. ўн-та ім. І.П. Шамякіна. – 2022. – № 2 (60). – С. 143–149.